

О крещеніи св. княгини Ольги.

Исторія появленія и утвержденія христіанства на Руси все еще темна,—древнія свидѣтельства по этому вопросу въ общемъ отличаются краткостью, неопредѣленностью, и ученымъ приходится довольствоваться въ этой области часто лишь догадками и гипотезами. Въ ряду другихъ фактовъ начальной исторіи нашего христіанства прочнѣе многихъ стоитъ несомнѣнный фактъ крещенія русской княгини половины X вѣка—Ольги, жены Игоря, восхваленной лѣтописью за мудрость и Церковью причисленной къ лику святыхъ. Однако до сихъ поръ еще не разрѣшенъ съ несомнѣнной достовѣрностью вопросъ о времени, мѣстѣ и другихъ обстоятельствахъ крещенія св. Ольги: по этому вопросу все еще остается мѣсто для разнообразныхъ гаданій и предположеній.

Наша лѣтопись, какъ извѣстно, дѣло представляетъ такимъ образомъ: въ лѣто 6463 (т. е. въ 955 г.) Ольга крестилась въ Константинополѣ при торжественной обстановкѣ — „крестили ее царь съ патріархомъ“, при чемъ Ольга имѣла случай „переключать“ своею хитростью византійскаго императора, плѣнившагося было ея красотой и тщетно пытавшагося жениться на ней.

Однако къ этому лѣтописному повѣствованію давно уже принято относиться съ большимъ или меньшимъ сомнѣніемъ въ точности и достовѣрности сообщаемого въ немъ. Въ пользу такого осторожнаго и даже подозрительнаго отношенія къ показаніямъ нашей лѣтописи говоритъ установленный въ наукѣ фактъ составленія нашего древнѣйшаго лѣтописнаго свода лишь во второй половинѣ XI вѣка, т. е.

спустя приблизительно не менѣе ста лѣтъ послѣ Ольги, и признаніе въ нашей лѣтописи ряда разнообразныхъ наслоений и неточностей ¹⁾. Къ тому же лѣтописный рассказъ именно объ Ольгѣ явно отличается легендарными чертами и не лишенъ нѣкоторыхъ несообразностей. Несообразнымъ представляется увлеченіе императора красотой Ольги, которой по лѣтописи въ данное время перевалило уже за 60 лѣтъ; невѣрно названіе императора „Цѣмьскій“ ²⁾, т. е. Цимисхій (Іоаннъ), который въ дѣйствительности царствовалъ уже послѣ смерти Ольги (съ 969 по 967 г.г.); противно истинѣ сватовство императора, такъ какъ дѣйствительные современники Ольги—императоры византійскіе (Константинъ Багрянородный, Романъ II и Никифоръ Фока) были на престолѣ людьми женатыми.

Заслуживаетъ въ данномъ случаѣ вниманія еще одно обстоятельство. Лѣтопись, рассказавъ о торжественномъ крещеніи Ольги въ Царьградѣ и самомъ любезномъ приѣмѣ ея императоромъ—съ награжденіемъ „дарами многими“, непосредственно затѣмъ сообщаетъ, что Ольга, вслѣдъ за возвращеніемъ изъ Византіи въ Кіевъ, при приѣмѣ пословъ Византійскаго императора, велѣла имъ передать своему государю отъ нея такія слова, въ которыхъ явно сквозитъ неудовольствіе и раздраженіе: „аще ты такожде постоиши у мене въ Почайнѣ (т. е. подъ Кіевомъ), якоже азъ въ Суду (т. е. подъ Царьградомъ), то тогда ти дамъ“ (дары), и затѣмъ ни съ чѣмъ, безъ отвѣтныхъ даровъ царю, „отпусти послы, съ рекъши“. Это неожиданное неудовольствіе Ольги на царя совершенно не вяжется съ тѣмъ чрезвычайно любезнымъ приѣмомъ ея въ Царьградѣ, о которомъ только что предъ симъ повѣствовала лѣтопись,—оно совершенно обезцѣниваетъ весь обстоятельный и краснорѣчивый рассказъ лѣтописца—о богатыхъ подаркахъ Ольгѣ при дворѣ, о наименованіи ея императоромъ своею дочерью, о его воспріемничествѣ при крещеніи.

Всѣ эти соображенія убѣдительно склоняютъ къ принятію той мысли, что въ лѣтописи мы не можемъ найти

¹⁾ См. напр. у академика А. А. Шахматова—въ его ст. въ „жур. М. Нар. Просв.“ 1897 г., март., апр., окт. кн.

²⁾ Въ другихъ спискахъ „Иванъ Чемьскій“,—въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, „Константинъ, Леоновъ сынъ“.

твердой почвы для вѣрной обрисовки обстоятельствъ факта крещенія Ольги. Между тѣмъ современный Ольгѣ императоръ Византійскій Константинъ VII Багрянородный ¹⁾ въ своемъ сочиненіи „*Ἐξθεσις τῆς βασιλείου τάξεως*“, между прочимъ, описываетъ пріемъ Ольги при Византійскомъ дворѣ, падающій, какъ принято думать на 957 г. ²⁾ и при этомъ ровно ничего не говоритъ о фактѣ крещенія здѣсь нашей княгини. Это обстоятельство даетъ поводъ нашему высокоавторитетному историку Русской церкви—профессору (нынѣ академику) Е. Е. Голубинскому, высказывающему по многимъ вопросамъ своей специальности послѣднее научное слово, придти къ такимъ выводамъ въ данной области: Ольга пріѣхала въ Константинополь въ 957 г. уже крещенною (на что указываетъ присутствіе въ ея свитѣ священника Григорія, упоминаемаго въ сочиненіи императора Константина), крестилась-же она раньше—на Руси, именно въ Кіевѣ, а временемъ ея крещенія былъ 954 г., согласно съ данными, приводимыми русскимъ писателемъ XI вѣка—Іаковомъ Мнихомъ ³⁾.

Однако при всемъ преклоненіи предъ научной цѣнностью „Исторіи Русской церкви“ Е. Е. Голубинскаго, аргументацію его мнѣнія по данному вопросу мы не можемъ признать убѣдительною. Намъ дѣло представляется нѣсколько иначе.

Прежде всего мы не допускаемъ, чтобы Ольга была „внутреннею христіанкою“, „задолго до смерти ея мужа“—Игоря, т. е. до 945 года, какъ это настойчиво утверждаетъ Е. Е. Голубинскій ⁴⁾.

Это положеніе совершенно не доказано. У Е. Е. Голубинскаго оно логически вытекаетъ изъ другого его утвержде-

¹⁾ Царствовалъ номинально съ 912 или 913 г., единолично—съ 944 или 945 г., умеръ на престолѣ въ 959 г.

²⁾ Эта хронологическая дата, какъ извѣстно, получается путемъ сопоставленія указываемыхъ Константиномъ чиселъ мѣсяцевъ съ днями недѣли и другихъ обстоятельствъ того времени.

³⁾ Академикъ А. И. Соболевскій время жизни Іакова отодвигаетъ къ концу XII или началу XIII вѣка и тѣмъ сильно обезцѣниваетъ значеніе его показаній,—см. статью его въ „Журн. М. Нар. Просв.“ 1888 г., июнь,—„Въ какомъ году крестился Св. Владиміръ“.

⁴⁾ См. 1 пол. I т.—его „Истор. Русск. Церкви“, 2 изд., М., 1901 г., стр. 70, 75 и др.

нія, будто въ правленіе Игоря или, по крайней мѣрѣ, во вторую половину его „христіанъ въ Кіевѣ между Варягами было весьма много“ и будто „самъ великій князь находился на сторонѣ ихъ или былъ внутреннимъ христіаниномъ, вслѣдствіе чего въ области дѣлѣ политическихъ они явно и рѣшительно преобладали“¹⁾. Дѣлать такой выводъ изъ словъ договора Игоря съ греками 944 или 945 года, гдѣ дѣйствительно упоминается о крещенныхъ представителяхъ Руси, значить *вопреки послѣдующимъ историческимъ фактамъ* расширять смыслъ данныхъ этого договора. Договоръ, изобилующій вообще темными, доселѣ мало уясненными выраженіями, указываетъ, дѣйствительно, на то, что изъ лицъ, явившихся при заключеніи договора Игоря съ греками представителями Руси, нѣкоторыя „крещеніе пріяли“. Вполнѣ понятно, конечно, что въ договорѣ съ христіанскимъ государствомъ, какова Византія, наличность христіанъ среди Руси подчеркнута, но не нужно забывать при этомъ, что тотъ же договоръ рѣшительно противопоставляетъ „русина“, какъ принадлежащаго къ массѣ языческой, „хрестеянину“—византійцу²⁾. Естественно думать, что въ эту пору христіанство на Русь еще лишь начало проникать—въ результатъ завязавшихся торговыхъ связей съ сосѣдями—и существовало здѣсь еще по преимуществу среди пришлаго элемента³⁾,—главное же ядро Руси прочно и безмятежно пребывало пока въ своей отеческой вѣрѣ.

Думать иначе—согласно съ Е. Е. Голубинскимъ—не позволяетъ цѣлый рядъ неотвязныхъ вопросовъ, настойчиво требующихъ въ такомъ случаѣ разрѣшенія, но не разрѣшимыхъ⁴⁾. Если въ Кіевѣ между Варягами въ первой уже

¹⁾ Ibidem, стр. 69, также 66—68 и др.

²⁾ Такъ: 1) „Аще убьеть Хрестеянинъ (т. е. подданный Византіи) Русина, или Русинъ Хрестеянина...; 2) Елико Хрестеянъ отъ власти нашея плѣнена приведуть Русь“, чему противопоставляется „аще ли обрящются Русь работающе у Грековъ“.

³⁾ Этотъ пришлый элементъ, надо думать, игралъ видную роль въ торговыхъ и иныхъ сношеніяхъ Руси съ Византіей,—нѣкоторыя соображенія по данному и соприкасающимся съ нимъ вопросамъ. См. въ новомъ изслѣдованіи Г. М. Бараца „Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей“, Кіевъ, 1910 г., стр. 60 и сл., 250, 254—257 и др.

⁴⁾ См. также приводимыя ниже свидѣтельства К. Багрянороднаго о современной ему Руси.

половинѣ X вѣка такъ сильно было распространено христіанство и княжеское семейство склонялось къ нему, то что же, во-первыхъ, задержало дальнѣйшій ростъ христіанства и утвержденіе его здѣсь въ качествѣ господствующей религіи на цѣлое полу столѣтіе? Почему не крестился самъ Игорь, если онъ былъ „внутреннимъ христіаниномъ“ и христіане при немъ въ Кіевѣ „преобладали въ дѣлахъ политическихъ“¹⁾? Почему цѣлыя десятилѣтія медлила со своимъ крещеніемъ Ольга? Отчего, крестившись затѣмъ, она имѣла такъ мало успѣха въ пропагандѣ христіанства въ Кіевѣ? Почему, будучи издавна „внутренней христіанкой“, она не воспитала съ самаго младенчества въ расположеніи къ христіанству своего сына Святослава? Почему не унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей и не позаимствовалъ отъ окружающихъ людей симпатій къ христіанству Святославъ (по лѣтописи, именно въ дружинѣ своей нашедшій поддержку своему нерасположенію къ христіанству,—что, конечно, было бы невозможно, если бы главное ядро дружины—Варяги—въ массѣ своей были уже нѣсколько десятилѣтій христіанами)?

Эти и подобные вопросы по существу остаются неразрѣшенными Е. Е. Голубинскимъ, а они такъ естественны. Очевидно, христіанизация Кіевскихъ варяговъ въ княженіе Игоря сильно преувеличена почтеннымъ ученымъ, и до 945 г. Ольга вовсе не была „внутренней христіанкой“. Что и въ

¹⁾ Голубинскій, противорѣча собственному утверженію о политическомъ преобладаніи въ Кіевѣ христіанъ—варяговъ, пытается на этотъ вопросъ отвѣтить тѣмъ, что Игорь, какъ чуждый мѣстнымъ славянамъ варягъ, чувствовалъ себя непрочно на Кіевскомъ престолѣ и потому не рискнулъ креститься. Но это—лишь догадка, и при томъ не лишенная въ устахъ нашего автора самопротиворѣчія. При этомъ нужно имѣть еще въ виду: многими солидными учеными (умѣренными норманистами—объ ученыхъ противоположнаго направленія не говоримъ) высказывается мнѣніе, что Варяго-Руссы были разноплеменной дружиной, не чуждой съ самаго начала славянской струи, а при Игорѣ уже сильно слившейся съ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ, что при томъ сами Игорь и Ольга были уже весьма славянизированы и не чувствовали себя въ Кіевѣ среди чуждаго народа. (См. у Н. И. Ламбина—„Жур. М. Н. Пр.“ 1874 г.—июньск. и июльск. кн.; на той же точкѣ зрѣнія стоятъ: С. М. Соловьевъ, В. И. Ламанскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. Г. Васильевскій и др.).

945—946 г.г. Ольга не была „внутренней христіанкой“,—объ этомъ весьма краснорѣчиво и вполне убѣдительно говорить наша лѣтопись, со всею обстоятельностью рассказывающая подъ этими годами о чрезвычайно жестокой мести Ольги Древлянамъ за смерть мужа, при чемъ за одного жестокой казнью пострадали тысячи людей. Какъ возможно допустить, чтобы Ольга, сколько нибудь проникшаяся уже высокими принципами христіанства,—религіи любви и всепрощенія,—могла учинить такую безпощадную месть по принципу— „за одно око—два, а за одинъ зубъ—всѣ зубы“¹⁾?)!

Видно, ставъ правительницей, Ольга еще пока не вѣдала вовсе истины христіанской. Когда она съ христіанствомъ познакомилась поближе, сказать точно нельзя. Іаковъ Мнихъ, показаніямъ котораго особенно довѣряетъ Е. Е. Голубинскій, свидѣтельствуеть, что Ольга прожила въ христіанствѣ 15 лѣтъ. Принимая за годъ смерти 969, Голубинскій годомъ крещенія Ольги считаетъ 954, а мѣстомъ называетъ Кіевъ. Но мы можемъ принять свидѣтельство Іакова развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что около 954 г. началось первое оглашеніе Ольги истинами христіанской религіи.

Если Іаковъ жилъ, дѣйствительно, въ XI вѣкѣ²⁾, то и въ такомъ случаѣ онъ могъ допустить ошибку, подобно тому, какъ онъ неправдоподобно (что признаетъ и Голубинскій) утверждаетъ, будто Ольга на Руси „требища сокруши“³⁾.

Мнѣніе Голубинскаго о крещеніи Ольги въ 954 году представляется тѣмъ болѣе неприемлемымъ, что оно у него тѣсно и неразрывно связано съ другимъ его предположеніемъ,—будто Ольга крестилась на Руси—въ Кіевѣ, а это послѣднее стоитъ въ полномъ *противорѣчій* *всѣмъ древнимъ писателямъ*, согласно называющимъ Константинополь именно мѣстомъ ея крещенія⁴⁾.

¹⁾ Высокое и могущественное дѣйствіе христіанства на жизнь прозелитовъ, подобно Ольгѣ по собственному убѣжденію принявшихъ христіанство, видно хотя бы изъ свидѣтельствъ о глубокомъ нравственномъ переворотѣ послѣ крещенія въ св. Владимірѣ.

²⁾ Что, какъ мы видѣли, отрицаетъ, напримѣръ, такой авторитетный ученый, какъ А. И. Соболевскій.

³⁾ См. въ уп. 1 пол. I т. „Исторія Русск. церкви“ Голубинскаго, стр. 79—80.

⁴⁾ Наша лѣтопись, Іаковъ мнихъ, западные лѣтописцы X—XI вв.

Въ пользу своего мнѣнія нашъ почтенный церковный историкъ указываетъ также на то, что въ 957 г. Ольга приѣхала въ Константинополь *уже крещенною*. Мы вполне, конечно, согласны съ достоуважаемымъ ученымъ, что разъ Константинъ Багрянородный, въ—упомянутомъ уже—своемъ сочиненіи, описывая приемъ Ольги, ничего не говоритъ объ ея крещеніи, то она, значить, *въ этотъ разъ въ Царьградѣ крещена не была*. Багрянородному въ своемъ сочиненіи, специально посвященномъ описанію придворнаго церемоніала, не только не „неумѣстно“¹⁾, но болѣе чѣмъ естественно—прямо необходимо было упомянуть объ ея крещеніи, которое, конечно, не могло обойтись безъ всякихъ придворныхъ церемоній—особенно, если восприемникомъ былъ самъ императоръ. Но откуда видно, что въ 957 г. Ольга прибыла въ Царьградъ уже крещенною? По мнѣнію Голубинскаго и другихъ, объ этомъ говоритъ присутствіе въ ея свитѣ пресвитера Григорія, о которомъ упоминаетъ въ своемъ описаніи приема Ольги Багрянородный. Но одного лишь *совмѣстнаго* съ Ольгой присутствія въ Константинополь священника изъ Руси—для уясненія даннаго вопроса намъ, кажется, совершенно недостаточно. Во-первыхъ, Ольга могла взять съ собой священника, еще *лишь собираясь креститься*, какъ удобнаго руководителя въ христіанскомъ Царьградѣ. Во-вторыхъ, вопросъ еще можетъ быть и о томъ, былъ ли упоминаемый Григорій „*ея*“ священникомъ. Вѣдь поѣздка Ольги въ Царьградъ не была обычнымъ путешествіемъ коронованной особы со свитой по своему лишь дѣлу; Ольга, конечно, ѣхала въ Константинополь съ обыкновеннымъ ежегоднымъ торговымъ русско-варяжскимъ караваномъ, въ которомъ были несомнѣнно и христіане²⁾. Священникъ сюда могъ попасть и по своему личному дѣлу, и по желанію христіанъ,—ѣхавшихъ въ далекій и опасный путь,—для удовлетворенія ихъ

(о нихъ ниже), византійскіе—Іоаннъ Скилицій—к. XI в., Георгій Кедринъ—XI—XII в.в., Іоаннъ Зонара—XII в.

1) Какъ это думалъ, напр., покойный преосвященный Макарій Булгаковъ—см. 309 стр. 1 изд. его „Истор. Христіанства въ Росс. до равноап. кн. Владиміра“, СПб., 1846 г.

2) Въ упом. трудѣ г. Бараца достаточно обосновано положеніе о большой роли христіанъ—именно посреднической—въ этихъ сношеніяхъ Руси съ Византіей.

духовныхъ нуждъ. Что священникъ Григорій, и не состоя въ личной свитѣ Ольги, былъ принятъ при дворѣ Византійскаго *христіанскаго* государя и получилъ подарки, это вполне понятно и естественно.

Стало быть, единственный аргументъ въ пользу того, что Багрянородный принималъ въ своемъ дворцѣ нашу Ольгу, *какъ христіанку*, этотъ аргументъ оказывается не такъ ужъ убѣдительнымъ. Между тѣмъ есть рядъ данныхъ, склоняющихъ скорѣе къ той мысли, что Багрянородному Ольга представлялась *еще язычницей*.

Прочитайте внимательно описаніе приема Ольги въ „*Ἐκθεσις τῆς βασιλείου ταξέως*“¹⁾ Приѣхала княгиня варварскаго языческаго народа, хорошо извѣстнаго и автору, и всѣмъ византійцамъ, и авторъ почему-то ни словомъ не обмолвился о томъ, что княгиня эта *христіанка уже*. Принимаетъ ее Багрянородный далеко не любезнѣе Сарацинскихъ пословъ, бывшихъ при его дворѣ предъ симъ, и во всемъ приемѣ нѣтъ и тѣни намекъ на то, что принимаемая княгиня — христіанка; послѣднее обстоятельство тѣмъ удивительнѣе, что придворный церемоніаль Византіи носилъ яркій *церковный отпечатокъ*, и послѣдній конечно, былъ-бы замѣтенъ при приемѣ христіанской гостыи.

Скажемъ больше того: можно утверждать что, *Константинъ Багрянородный вовсе не зналъ факта крещенія Ольги*. Приводя разныя формулы обычнаго дѣловаго обращенія Византійскаго императора въ сношеніяхъ съ сосѣдними правителями и государями, онъ для правителя Руси приводитъ такую, которая употреблялась лишь по отношенію къ *языческимъ* народамъ²⁾, и тѣмъ самымъ даетъ понять, что въ его глазахъ правитель Руси—язычникъ; и эту формулу, вмѣстѣ съ другими, изъ которыхъ такъ явно видно разграниченіе народовъ христіанскихъ и нехристіанскихъ³⁾, онъ

¹⁾ Мы пользовались изданіемъ Н. Leichius'a и I. Peiskiusa—Лейшигъ, 1751 и 1754 г.г., см. во 2 т. стр. 343—345.

²⁾ См. въ уп. изданіи „*De cerimoniis*“ стр. 399 во 2 т.; вотъ она: „*Γράμματα Κ. καὶ Ρ. τῶν φιλοχρίστων βασιλέων Ῥωμαίων πρὸς Ἀρχόντας Ῥωσίας*“ сравнивъ съ другими формулами, вы увидите всю разницу, напр., съ формулой къ христіанскому правителю Болгаріи, нѣтъ даже традиціоннаго „*Ἐν ὀνόματι τοῦ Πατρὸς*“ и пр.

³⁾ Настолько, что проф. М. Кулаковскій, напримѣръ, въ формулѣ обращенія къ властителю Аланъ, приведенной Багрянороднымъ

приводить въ томъ же своемъ сочиненіи, гдѣ говоритъ и о приѣмѣ Ольги, бывшей, какъ извѣстно, въ это именно время *правительницей Руси*. Тотъ же взглядъ на Русь, какъ на племя вполнѣ языческое, одно изъ „невѣрныхъ и презрѣнныхъ“, вполнѣ опредѣленно и неоднократно высказываетъ Багрянородный и въ другомъ своемъ сочиненіи „*Περὶ ἐθνῶν*“¹⁾.

Несомнѣнно, что для *Багрянороднаго Русь*—язычники и при томъ упорные и безнадежные; христіанскій элементъ на Руси, видимо, былъ черезчуръ еще слабъ, такъ что не давалъ нашему писателю повода для какихъ-нибудь ограниченій въ своемъ опредѣленномъ воззрѣніи на религію Руси; иначе, конечно, дѣло обстояло бы, если бы Багрянородный зналъ о христіанствѣ Ольги—правительницы Руси, упомянуть же объ этомъ онъ имѣлъ немало поводовъ.

Вообще данныя, при помощи которыхъ рѣшаетъ вопросъ о времени и мѣстѣ крещенія св. Ольги Е. Е. Голубинскій, не отличаются характеромъ научной несомнѣнности и далеко недостаточны для окончательнаго разрѣшенія нашего вопроса.

Не получая прочныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ для вполнѣ удовлетворительной постановки настоящаго вопроса въ греческихъ и русскихъ источникахъ, мы не имѣемъ права скептически относиться къ свидѣтельствамъ западныхъ писателей, разъ таковыя имѣются. А такія свидѣтельства есть. Западные писатели пишутъ тутъ, правда, по спеціальному поводу, о которомъ не знаютъ греческіе и русскіе источники. Такъ, у нихъ мы находимъ свѣдѣнія о томъ, что въ 959 г. послы Руси—и именно Ольги—приходили къ Оттону Нѣмецкому съ просьбой о присылкѣ на Русь епископа и священника, въ 961 г. посланъ былъ Оттономъ на Русь епископъ Адалъбертъ, но въ 962 г. безуспѣшно возвратился назадъ. Данное обстоятельство безусловно должно проливать нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о времени и мѣстѣ крещенія Ольги. Больше того: одинъ изъ западныхъ хрони-

видитъ „непреложное свидѣтельство о томъ, что Аланы были христіанскимъ народомъ въ половинѣ X вѣка“ см. „Византійскій Временникъ“ за 1898 г., ст. его „христіанство у Аланъ“.

¹⁾ Пользуемся переводомъ его, принадлежащимъ Г. Ласкину у помѣщеннымъ въ 1 кн. „Чт. въ Общ. Ист. и др. Росс.“ 1899 г., см. стр. 73, 80 и др.

стовъ—продолжатель хроники Регинона—прямо называетъ при этомъ даже приблизительное время и мѣсто крещенія Ольги. Слѣдовательно, сюда должно обратиться наше вниманіе въ поискахъ за разрѣшеніемъ интересующаго вопроса.

Прежде всего цѣнность западнаго свидѣтельства тѣмъ больше, что даетъ его *современникъ* Ольги. Правда, онъ—именно продолжатель хроники Регинона—называетъ нашу княгиню „Helena, regina Rugorum“; но Елена, какъ извѣстно, христіанское имя нашей Ольги, Ругами же, какъ установлено уже¹⁾, въ X вѣкѣ обычно назывались русскіе, жители Кіевской Руси. Что Руги здѣсь—наша именно Русь, подтвержденіе этого мы прежде всего находимъ у ближайшихъ къ данному по времени западныхъ лѣтописцевъ, которые, описывая то-же событіе, называютъ тѣхъ-же пословъ „legati Rusciae gentis“ (лѣтопись Гильдесгеймская конца X вѣка), вспоминая о бывшей поѣздкѣ Адальберта на Русь, называютъ его по этому поводу „praesul Rusciae“ (Титмаръ Мерзебургскій, ум. 1018 г.) и т. п.²⁾

Итакъ, мы имѣемъ по интересующему насъ вопросу свидѣтельство современника. Цѣнность его однако ослабляетъ Е. Е. Голубинскій. Стоя предъ передаваемымъ продолжателемъ Регинона фактомъ посольства Ольги къ Оттону, какъ предъ „неразрѣшимой загадкой“, нашъ почтенный ученый упрекаетъ этого писателя въ „несовершенной обстоятельности свѣдѣній“ и уравниваетъ его съ болѣе поздними писателями въ виду его „слишкомъ большой отдаленности отъ Россіи“³⁾.

Продолжатель Регинона—западный лѣтописецъ, дѣйствительно, жилъ довольно далеко отъ Руси; но не слѣдуетъ выпускать изъ виду, что вѣдь этотъ писатель, какъ признають⁴⁾, былъ „либо самъ Адальбертъ, либо близкій къ нему

¹⁾ См. напр. доказательства въ ст. покойнаго академика В. Г. Васильевскаго—„Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ“, июль 1888 г. „Журн. М. Нар. Просв.“, стр. 127—133; къ такому же объясненію склоняется и Голубинскій въ прим. на стр. 81—82 упол. труда.

²⁾ Кромѣ лѣтописи Гильдесгеймской и Титмара см. также въ лѣтоп. Кведлинбургской (I пол. XI в.), въ „Annalista Safo“ (XII в.) и въ лѣтописи Корвейской у Ламберта Герсфельдскаго (XI в.) и др. Всѣ эти лѣтописи помѣщены въ „Monumenta Germaniae historica“ Pertz's, выдержки см. у Голубинскаго—стр. 103—104.

³⁾ См. въ уп. работѣ Голубинскаго прим. на стр. 78.

⁴⁾ См., напр., у В. Г. Васильевскаго въ его уп. статьѣ въ июльск. кн. „Журн. М. Н. Просв.“ 1888 г., стр. 128.

и знающій человекъ“: Адалъбертъ-же, ходившій на Русь въ роли епископа миссіонера, самъ былъ близко заинтересованъ въ дѣлѣ крещенія Ольги и не могъ не знать объ обстоятельствахъ его. Такъ просто отпадаетъ вопросъ объ отдаленности отъ Руси западнаго современника, которому во всякомъ случаѣ не трудно было узнать истину.

Стало быть, ключомъ къ разгадкѣ запутаннаго вопроса о времени и мѣстѣ крещенія Св. Ольги скорѣе всего можетъ быть поставлено свидѣтельство именно современника — продолжателя хроники Регинона, который опредѣленно говоритъ, что наша Ольга „при Константинопольскомъ императорѣ Романѣ крещена въ Константинополь“¹⁾.

При свѣтѣ этого именно указанія, въ связи съ повѣствованіемъ того-же западнаго лѣтописца о посольствѣ Ольги на западъ, при сопоставленіи нѣкоторыхъ другихъ данныхъ, обстоятельства крещенія Ольги и подготовки ея къ нему намъ представляются такъ.

Состоя правительницей государства и сталкиваясь съ появившимися въ послѣднее время въ Кіевѣ христіанами, Ольга около 954 или 955 г.²⁾ познакомилась съ христіанской религіей и заинтересовалась ею. Въ связи, вѣроятно, съ пробудившимся влеченіемъ къ христіанству; имѣя разнообразные интересы-торгово-промышленные, политическіе и общекультурные, Ольга съ обычнымъ ежегоднымъ караваномъ русскихъ купцовъ, сопровождаемый который было тогда „прямою обязанностью“ князя Руси³⁾, въ іюнѣ⁴⁾ 957 г.⁵⁾.

¹⁾ Преосв. Макарій Булгаковъ, желая удержать, какъ годъ крещенія, 957 г., толкуетъ это такимъ образомъ, что Ольга крещена при императорахъ „Романѣ и Константинѣ“ (См. 313 стр. 1 изд. его „Ист. Хр—ства до св. Владимира“), но это уже явная натяжка, сдѣланная съ опредѣленной тенденціей и противорѣчащая хорошему знакомству—при постоянныхъ сношеніяхъ—тогдашняго Запада съ Византіей.

²⁾ Допускаемъ эти цифры въ соотвѣтствіе съ выше упоминавшимися свидѣтельствами нашей лѣтописи и Іакова Мниха.

³⁾ См. напр. въ „Лекц. по русск. ист.“ проф. С. Ѳ. Платонова Спб., 1901 г., стр. 64, срв. стр. 181—111 въ 1 т. „Лекцій“ В. О. Ключевского (2 изд., М. 1906 г.) и др.

⁴⁾ См. общее свидѣтельство объ обычномъ времени выхода русскихъ каравановъ въ Царьградъ изъ Кіева у Багрянороднаго въ соч. „О народахъ“ 71 стр. ун. перев. Г. Ласкина.

⁵⁾ Этотъ годъ, какъ упоминалось, считается годомъ приѣма Ольги Багрянороднымъ.

двинулась въ Царьградъ, столь привлекавшій варяго-русовъ къ себѣ въ то время. Ыздилъ съ ней и священникъ Григорій, можетъ быть, въ качествѣ ея огласителя, а, можетъ быть, или по личнымъ надобностямъ, или по нуждамъ христіанъ изъ каравана, или въ силу удобствъ (связанныхъ съ его религіей и саномъ) сношенія чрезъ него съ христіанскими властями Византіи.

Въ Царьградѣ Ольга была принята безъ особой любезности и предупредительности. На это обстоятельство указываетъ то, что императоръ Ольгу принималъ довольно *поздно*, видимо, не скоро послѣ пріѣзда—9 сентября и 18 октября, между тѣмъ какъ она должна была прибыть въ Константинополь гораздо раньше—еще, вѣроятно, въ іюль; не видно особой предупредительности императора къ Ольгѣ и въ самомъ ея пріемѣ, какъ описываетъ его Багрянородный; наконецъ, и лѣтопись наша не даромъ вѣдь проговаривается, что Ольга осталась недовольна пріемомъ императора, заставившимъ ее будто бы очень долго простоять въ пристани на кораблѣ, не впуская въ городъ.

Ольга вела въ Царьградѣ, видимо, какіе то переговоры съ императоромъ (по свидѣтельству Багрянороднаго, „говорила съ нимъ, о чемъ хотѣла“). Неизвѣстно сколько-нибудь опредѣленно, о чемъ шли переговоры; весьма возможно, что Ольга имѣла въ виду креститься въ Царьградѣ, но, повидимому, не имѣла успѣха въ стоявшихъ въ связи съ этимъ своихъ переговорахъ. Ольга *не крестилась теперь* въ Царьградѣ¹⁾, весьма вѣроятно, именно потому, что неудачны были ея дипломатическіе переговоры съ императоромъ.

Тутъ мы стоимъ, конечно, въ области однихъ предположеній и догадокъ, но все-таки имѣемъ нѣкоторыя основанія допускать, какъ возможность, что Ольга домогалась въ Царьградѣ какихъ-то особыхъ царскихъ привилегій и преимуществъ для—тогда еще варварской—Руси и ея княжеской династіи. Готовясь принять крещеніе по склонности къ узнанной ею новой религіи, Ольга, какъ „мудрѣйшая изъ женъ“, могла имѣть желаніе связать свое крещеніе съ чѣмъ-нибудь въ родѣ установленія родственныхъ связей

¹⁾ Объ этомъ говоритъ полное молчаніе Багрянороднаго и свидѣтельство западнаго современника о крещеніи Ольги уже при имп. Романѣ.

съ византійскимъ императоромъ (путемъ, на примѣръ, брака сына—Святослава съ византійской царевной) и полученія какихъ-либо особыхъ преимуществъ царскаго достоинства для княжеской династіи Руси. *Это было въ духъ того времени.* Современникъ Ольги, германскій король Оттонъ I (936—973 гг.), сдѣлавшись уже западнымъ императоромъ (въ 962 г.), усиленно домогался чести—женить своего наследника на византійской царевнѣ. Константинъ Багрянородный въ сочиненіи „*Περὶ ἐθνῶν*“ говоритъ: „Если, какъ это часто бываетъ“, „какъ мы это могли узнать изъ своего *собственнаго опыта*“, „Козары, Турки, Русь или какой нибудь другой сѣверный скиѣскій, народъ когда-либо будетъ добиваться и просить себѣ что-либо изъ царскихъ одеждъ, коронъ или украшеній за какую-нибудь услугу“, то „надо ихъ неумѣстныя просьбы и дерзкія требованія отвергать“, равно какъ и „если какой либо изъ этихъ невѣрныхъ и презрѣнныхъ сѣверныхъ жителей попроситъ породниться съ царемъ Ромеевъ или взять въ невѣсты его дочь, или дать свою дочь въ жены царю или царскому сыну, то такую бессмысленную ихъ просьбу слѣдуетъ отклонить“¹⁾.

Въ этихъ словахъ можно усматривать нѣкоторый *намекъ и на предметъ переговоровъ нашей Ольги съ Константиномъ Багрянороднымъ.* И это тѣмъ болѣе, что *наша летопись до нѣкоторой степени подтверждаетъ возможность* такой цѣли поѣздки Ольги въ Царьградъ. По летописи—Ольга говорила императору: „Аще мя хощеша крестити, то крести мя *самъ; аще ли (ни), то не крещюся*“. Неспроста, далѣе, какъ намъ кажется, возникла и занесенная въ летопись *легенда о сватовствѣ императора къ Ольгѣ; возникновеніе ея могло стоять въ связи съ дѣйствительнымъ желаніемъ Ольги, не увѣнчавшимся только успѣхомъ, такъ или иначе породниться съ Византійскимъ императорскимъ домомъ,*

По всей видимости, Ольга уѣхала изъ Царьграда, послѣ продолжительнаго тамъ пребыванія²⁾, *некрещеной и*

1) Ольга пробыла, надо думать, тутъ не менѣе 3 мѣсяцевъ—съ іюля до конца октября, уѣхавъ изъ Константинополя съ значительнымъ опозданіемъ противъ обычнаго, такъ какъ уже приближалась зима и въ ноябрѣ было принято выступать князьямъ изъ Кіева на „полюдь“,—см. въ уп. переводѣ „*Περὶ ἐθνῶν*“, стр. 75.

2) См. въ уп. переводѣ Г. Ласлина стр. 77—82 и ближайшемъ образомъ стр. 77 и 80.

неудовлетворенной своей поѣздкой, но съ несомнѣннымъ сильнымъ желаніемъ принятія христіанства, еще болѣе возбужденнымъ блестящей христіанской обстановкой Царьграда ¹⁾. Въ связи съ этимъ, надо думать, возвратившись домой, она затѣваетъ новое предпріятіе: по свидѣтельству хроники продолжателя Регинона, въ 959 г. отъ нея приходятъ послы къ могущественнѣйшему государю Западной Европы—Оттону I нѣмецкому съ просьбой „посвятить для сего народа (Руси) епископа и священниковъ“.

Потерпѣвъ неудачу въ Византіи, Ольга, быть можетъ, думала на Западѣ, въ лицѣ могущественнѣйшаго его государя, опирающагося на римскаго папу, добиться себѣ тѣхъ преимуществъ и связей, какихъ не нашла на Босфорѣ. Это обращеніе Ольги на Западъ вполне естественно, такъ какъ достоверно извѣстно, что въ X вѣкѣ купцы Руси имѣли уже торговыя сношенія съ придунайскими областями Германіи ²⁾.

Такимъ образомъ Русь едва не приняла къ себѣ западной іерархіи и чуть не вступила въ прочную связь съ Римомъ, хотя еще не отдѣлившись окончательно отъ Восточной церкви, но уже стоявшимъ очень далеко отъ нея ³⁾.

Этому помѣшалъ особый случай: поставленный въ епископы Руси Либуцій вскорѣ скончался, вслѣдствіе чего вновь посвященный на его мѣсто Адальбертъ получилъ возможность отправиться на Русь лишь въ 961 году. Но онъ опоздалъ со своей миссіей: Ольга, видимо, къ этому времени уже крестилась.

Видя задержку въ исполненіи своей просьбы со стороны Оттона, Ольга имѣла время и не одинъ случай убѣдиться въ неестественности своихъ упованій на далекій Западъ, между тѣмъ какъ въ Кіевѣ все напоминало ей о Византіи, и она конечно, имѣла общеніе съ христіанами, связанными ду-

¹⁾ Христіанскій Царьградъ въ данномъ случаѣ долженъ былъ произвести на Ольгу впечатлѣніе, аналогичное тому, какое, по летописи, вынесли отсюда немного позднѣ послы св. Владиміра.

²⁾ См., напр., въ уп. ст. В. Г. Васильевскаго въ іюл. кн. „Журн. М. Нар. Просв.“ 1888 г., стр. 121—133.

³⁾ Это было уже гораздо позднѣ Константинопольскаго патріарха Фотія (ум. 891 г.), при которомъ началось раздѣленіе церковей, завершившееся окончательно въ 1054 г.

ховно съ Царьградомъ и Восточной церковью. Она снова при удобномъ случаѣ завязываетъ сношенія съ Византіей, куда такъ фатально влеклись взоры и симпатіи всѣхъ нашихъ князей и интересы и ихъ дружины и страны. Этому возобновленію сношеній Ольги съ Византіей могло поблагопріятствовать (или хотя бы показалось Ольгѣ благопріятнымъ) то обстоятельство, что въ 959 г. въ Царьградѣ произошла смѣна монарховъ на тронѣ: мѣсто Константина занялъ Романъ II (959—963 г.г.). Къ этому царствованію Романа и относитъ крещеніе нашей Ольги въ Царьградѣ продолжатель хроники Регинона.

Къ какому-же именно моменту четырехлѣтняго царствованія Романа скорѣе всего можно отнести крещеніе Ольги? Конечно, это событіе не могло произойти въ 959 г., потому что лишь въ ноябрѣ этого года умеръ императоръ Константинъ и какъ разъ въ этомъ году посольство Ольги было у Оттона.

Слѣдуетъ отвергнуть также и 962—963 г.г., такъ какъ прибывшій съ запада на Русь въ концѣ 961 г. или въ началѣ 962 г. епископъ Адалбертъ уже опоздалъ по тому дѣлу, по которому былъ позванъ, вслѣдствіе того именно, что Ольга, надо полагать, къ тому времени *уже была крещена. Ольга, стало быть, крестилась въ 960 или 961 г. и скорѣе именно въ 960 г.* Въ пользу этого года можетъ говорить фактъ участія въ походѣ Византіи въ этомъ году на островъ Критъ наемныхъ русскихъ дружинъ. Нуждаясь въ русскихъ дружинахъ, правительство Романа II должно было взять на себя инициативу въ возобновленіи переговоровъ съ Кіевскимъ правительствомъ. Ольга, надо думать, съ радостью откликнулась на эти переговоры и поспѣшила съ своей дружиной предпринять, подъ ея охраной, снова путешествіе въ Царьградъ, чтобы тамъ креститься.

Объ этомъ путешествіи Ольги въ Константинополь нѣтъ никакихъ прямыхъ извѣстій; но разъ пришлось отвергнуть фактъ крещенія и христіанскаго состоянія Ольги въ 957 г., а при этомъ всѣ древніе источники говорятъ о крещеніи Ольги именно въ Царьградѣ,—то нужно непременно допустить эту вторую поѣздку Ольги въ Византію для крещенія, которая, согласно съ данными западнаго современника со бытіи, произошла въ царствованіе Романа II около 960 г.

Сказать что-либо определенное объ этой второй поѣздкѣ Ольги въ Царьградъ затруднительно. Въ сбивчивомъ и нѣсколько противорѣчивомъ сказаніи нашей лѣтописи о пребываніи Ольги въ Царьградъ нельзя ли видѣть *смѣшеніе чертъ* (независимо отъ элемента легендарнаго) *двухъ поѣздокъ* Ольги? Можно думать, что во второй разъ, около 960 г., Ольга, дѣйствительно, имѣла утѣшеніе быть крещеной въ Константинополѣ здѣшнимъ патріархомъ Полиевктомъ (956—970 г.г.) при воспріимчивостѣ императора Романа II. Возможно допустить, что вообще эта вторая поѣздка была для нея *удачнѣе во всѣхъ отношеніяхъ*—между прочимъ—и въ политическомъ, посодѣйствовавъ утвержденію болѣе близкихъ отношеній Руси съ Византійскимъ дворомъ и правительствомъ ¹⁾.

Возвратившись изъ своей второй поѣздки въ Царьградъ въ союзъ съ Греко-Восточной церковью и Византійскимъ правительствомъ, Ольга,—видимо, въ концѣ 961 г.—принимала у себя въ Кіевѣ присланнаго съ опозданіемъ съ Запада епископа Адальберта со свитой; онъ теперь уже, конечно, „не успѣлъ ни въ чемъ томъ, за чѣмъ былъ посланъ, и видѣлъ свои старанія напрасными“. Это вполне естественно: крещеніе уже состоялось, духовная связь съ церковью Константинопольскою закрѣплена,—зачѣмъ Ольгѣ нуженъ былъ теперь духовный представитель церкви Западной, почти уже враждебной Востоку и отличавшейся отъ него своими обрядами? Въ политическомъ и торговомъ отношеніи тоже Оттонъ нѣмецкій не такъ нуженъ былъ Руси, какъ *единственный въ своемъ родѣ во вселенной* императоръ Византіи,—страны, къ тому-же давно уже связанной разнообразными крѣпкими узами съ нашими предками. Могъ, конечно, остаться Адаль-

¹⁾ Вслѣдъ за симъ мы видимъ союзъ сына Ольги—Святослава съ преемникомъ императора Романа,—бывшимъ его полководцемъ и затѣмъ мужемъ его вдовы,—Никифоромъ Фокою (963—969 г.г.); не къ этой-ли поѣздкѣ Ольги въ Царьградъ около 960 г. слѣдуетъ между прочимъ, относить пожалованіе русскому князю титула и сана наследственнаго главнаго императорскаго стольника, о чемъ говоритъ византійскій писатель XIV в. Никифоръ Григора, совершенно неправдоподобно относящій это пожалованіе къ временамъ Константина Великаго?

²⁾ См. въ 5 гл. VII кн. его „Римской Исторіи“, въ русскомъ переводѣ, С.-Петербургъ, 1862 г., стр. 231).

бертъ въ Кіевѣ для цѣлей миссіонерскихъ среди народа и дружины, но несочувствіе христіанству выросшаго уже Святослава и его дружины, противодѣйствіе кіевского грече-скаго духовенства (какъ бы его мало ни было), отсутствіе поддержки даже со стороны Ольги,—все это не могло расположить къ дѣятельности западнаго миссіонера, не привыкшаго, очевидно, къ самоотверженной, чисто апостольской проповѣди, со всѣми ея терніями—безъ поддержки власти.

Такъ посламы Оттона, во главѣ съ Адалъбертомъ, пришлось возвратиться въ 962 г. во свояси ни съ чѣмъ, несмотря на то, что два года предъ симъ ихъ звали на Русь. Естественно, что на Западѣ могло показаться, будто ихъ просили на Русь „лживымъ образомъ“,—въ дѣйствительности же ихъ, видимо, позвали просто *сгоряча, не взвѣсивъ всего*, подъ вліяніемъ горечи отъ неудачной поѣздки въ Византію¹⁾.

Явившись изъ второй своей поѣздки въ Царьградъ на Русь около конца 960 г. христіанкою, Ольга, конечно, была проникнута желаніемъ пропогандировать христіанство своему народу, крестить своего сына и т. д. Но ни въ чемъ этомъ она не успѣла; не успѣла потому именно, что въ своемъ проникновеніи христіанскими началами она вовсе не шла лишь за общимъ теченіемъ увлеченія христіанствомъ на Руси,—какъ представляетъ дѣло почтенный Е. Θ. Голубинскій,—но была лицомъ, въ данномъ случаѣ *по своему историческому прозрѣнію опередившимъ* современниковъ изъ высшаго класса своей Руси на десятилѣтія и оставшимся почти непонятымъ на Руси при жизни. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляетъ дѣло наша лѣтопись²⁾, говорящая о рѣшительномъ отказѣ отъ христіанства (уже выросшаго къ 960 г.) князя Святослава, опиравшагося въ этомъ своемъ упорствѣ на полное несочувствіе христіанству своей дружины—высшаго

1) Такое объясненіе словъ западной хроники—„пришли къ королю,—какъ послѣ оказалось, лживымъ образомъ,—послы Елены“ и т. д.—намъ кажется болѣе естественнымъ, чѣмъ, напр., такое: „Ольга присылала къ королю вовсе не за тѣмъ, чтобы просить епископа и священниковъ, а за чѣмъ-то другимъ, намъ неизвѣстнымъ“ и т. п.

(См. въ тр. Голубинскаго стр. 82 и сл.).

2) Хотя она нерѣдко и страдаетъ неточностями, но къ свидѣтельству ея напр., въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ основанія относиться скептически.

общественнаго класса, представители котораго именно, надо думать, „ругахуся тому“, „кто хотяше креститися“. На довольно глубокое еще язычество Кіева въ моментъ смерти Ольги намекаетъ нашъ лѣтописецъ, говоря о ея погребеніи: „И бѣ заповѣдала Ольга не творити тризны надъ собою, бѣ бо имущи ¹⁾ презвутерь, сей похорони блаженную Ольгу“.

По всему видно, что врядъ-ли большую натяжку допустилъ лѣтописецъ, сказавшій объ Ольгѣ: „Си *первое* вниде въ царство небесное отъ Руси“.

Несочувствіе новой вѣрѣ Ольги сына и окружающей ее среды въ массѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что Ольга получила въ исторіи русской церкви, въ дѣлѣ основанія ея, значеніе лишь „денницы предъ солнцемъ“, „зари предъ свѣтомъ“ и „луны въ нощи“; задуманное ею общее крещеніе Кіева и Руси совершилъ ея внукъ—св. Владиміръ, воспользовавшись подготовительными трудами св. Ольги,—хотя, видимо, и незначительными количественно, но имѣвшими важное значеніе для народа.

Такъ мы представляемъ себѣ обстоятельства крещенія св. княгини нашей Ольги и ту среду, въ которой она жила. Считая свое рѣшеніе даннаго вопроса лишь *одной изъ гипотезъ*, мы, однако, смѣемъ думать, что принятіе этой гипотезы освобождаетъ отъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, непримиримыхъ противорѣчій и недоумѣнныхъ вопросовъ, неустрашимыхъ въ послѣдней научной гипотезѣ—достоуважаемаго Е. Е. Голубинскаго, и довольно просто и естественно объясняетъ неразрѣшимую загадку сношеній Ольги съ Оттономъ.

Владиміръ Пархоменко.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ добавлено еще слово „тайно“.